

Из доклада Хади Бенотто об открытии в Дар-эс-Балате на планете Ракис

Для меня не только радость объявить вам сегодня о нашем открытии этого замечательного хранилища, в котором среди прочего была обнаружена монументальная коллекция рукописей на ридулианской кристаллической бумаге; я также буду горд сообщить вам о наших доказательствах, касающихся аутентичности нашего открытия, доложить вам, почему мы столь уверены в том, что нам удалось открыть оригинальные записки Лето II, Бога-Императора.

Во-первых, позвольте мне напомнить вам об историческом сокровище, которое известно всем нам под названием «*Похищенные рукописи*». Эти написанные в глубокой древности тома позволили нам в течение последних нескольких столетий лучше понять наших предков. Как вы знаете, «Похищенные рукописи» были расшифрованы специалистами Космической Гильдии, и разработанный ими метод лег в основу расшифровки и вновь найденных томов. Никто не может отрицать антикварную ценность Ключа Гильдии, ибо он, и только он, позволяет перевести на современный язык содержание упомянутых томов.

Во-вторых, эти тома были напечатаны с помощью древнего иксианского аппарата. «Похищенные рукописи» не оставляют никаких сомнений в том, что именно этот метод использовал Лето II для фиксации своих исторических наблюдений.

В-третьих — мы думаем, что это по важности можно назвать настоящим открытием, — само хранилище. Хранилище книг

было выполнено по иксианскому проекту — весьма древнему и примитивному, но такому замечательному, что, несомненно, сама конструкция хранилища поможет пролить свет на ту историческую эпоху, которая известна теперь под названием «Рассеяние». Как и надо было предвидеть, хранилище оказалось невидимым. Оно было погребено гораздо глубже, чем мы могли предполагать на основе мифов и устных преданий, этот объект испускал и поглощал радиацию так, что можно было подумать, что речь идет о естественном объекте. Такая инженерная мимикрия неудивительна сама по себе, удивительно другое — как можно было достигнуть такой степени маскировки, пользуясь отсталой древней технологией.

Я вижу, что многие из вас взволнованы этой находкой, точно так же, как мы. Мы полагаем, что видим сейчас первый иксианский глобус, образец, на основе которого были сделаны все последующие подобные приспособления. Конечно, это не первый экземпляр, но он, несомненно, один из первых и воплощает в себе те же принципы.

Позвольте мне теперь же удовлетворить ваше законное любопытство и повести вас на краткую экскурсию по хранилищу. Хочу только попросить вас соблюдать тишину, ибо наши инженеры продолжают работу, раскрывая тайны древнего хранилища.

Все вышесказанное приводит меня к четвертому пункту, и это будет краеугольным камнем нашего открытия. Трудно описать мои чувства, которые я испытал, когда обнаружил в этом хранилище еще одну реликвию, а именно запись человеческого голоса — это запись Лето II, который вещал голосом своего отца — Пола Муад'Дибя. Поскольку аутентичные записи голоса Бога-Императора хранятся в архивах Бинэ Гессерит, мы послали образцы записи, сделанной на древней микропористой системе, в Орден сестер с официальной просьбой провести сравнительный анализ. Мы пока не получили ответа, но у нас практически нет сомнений, что мы имеем дело с аутентичной записью.

Теперь я попрошу вас обратить внимание на переведенные отрывки, которые вам вручили в самом начале нашего заседания. Позвольте мне также принести извинения за их большой

вес. Я слышал, как многие из вас отпускали шутки по этому поводу. Мы использовали обычную бумагу только из соображений экономии. Оригиналы написаны такими мелкими буквами, что для прочтения нуждаются в многократном увеличении. Действительно, нужно около сорока томов, подобных тому, что вы держите в руках, чтобы напечатать обычным шрифтом содержание одного тома, нанесенного мелкими символами на ридулианскую бумагу. Наш перевод помещен на экране справа. Я хочу привлечь ваше внимание к поэтическим красотам слов, а также к смыслу перевода. Стиль позволяет идентифицировать личность автора. Мы полагаем, что написать такое мог только человек, обладающий выраженной предковой памятью, способный испытать необычное погружение в прошлые жизни, погружение, которое не в состоянии оценить те, кто этого дара лишен.

Обратите внимание на смысловое содержание. Все ссылки согласуются со всем тем, о чем рассказывает нам история относительно того человека, который один только мог написать такой рассказ.

Мы приготовили для вас еще один сюрприз. Я позволил себе вольность пригласить сюда известного поэта Ребета Врееба, чтобы он выступил здесь и прочел нам первую страницу короткого пассажа из нашего перевода. Мы уже поняли, что даже в переводе эти слова, произнесенные вслух, оказывают совершенно иной эффект, чем если их молча читать с листа. Мы хотим, чтобы вы разделили с нами необыкновенные свойства, открытые нами в этих томах.

Дамы и господа, давайте поприветствуем Ребета Врееба.

Из декламации Ребета Врееба

Заверяю вас, что я — книга судьбы. Вопросы — мои враги. Ибо мои вопросы взрываются! Ответы же выплывают, как страшные тучи, на небосвод моей неотвратимой памяти. И нет ни одного ответа, которым я был бы доволен.

Какие призмы вспыхивают ярким светом, когда я вступаю в устрашающие пределы моей памяти. Я кристалл расколотого кремня, заключенный в ящик. Ящик вращается и трясется. Я же бьюсь о его стенки в вихре тайн. И когда крышка открывается и я возвращаюсь в мир, то чувствую себя как путник, попавший в страну дикарей.

Медленно (я говорю — медленно) я заново выучиваю свое имя.

Но это отнюдь не значит познать себя!

Этот человек, которого зовут Лето, — он второй, кто носит это имя, — находит в своей душе иные голоса, иные имена и иные места. О, я клянусь вам (как я уже обещал), что откликнусь только на одно имя. Если вы скажете: «Лето», то я откликнусь. Я делаю это, потому что терпелив, но не только.

Я держу нити!

Все они мои. Мне стоит только вообразить объект поиска — например... *мужи, погибшие от меча*, и вот они все передо мной со всеми своими мучениями, каждый их образ целен и правдив — я слышу каждый стон, сорвавшийся с их уст, вижу каждую гримасу, исказившую их лица.

Радость материнства, думаю я, и вот я уже на родовом ложе. Множество детских улыбок и сладкое щебетание новых поколений. Первый шаг ползунка и первая победа юности — я делю с ними все. Они толкаются в толпе, наступают друг на друга, и только по прошествии времени я начинаю видеть что-то, кроме тождества и повторений.

Оставь все это в покое, говорю я себе.

Кто может отрицать ценность такого опыта, ценность того, что я узнаю каждый момент?

Но, увы, это прошлое.

Разве вы не понимаете?

Это же только прошлое!

В то утро я родился в юрте на краю конского пастбища в одной стране, на одной планете, которой больше не существует. Завтра я появлюсь на свет кем-нибудь еще и в другом месте. Я еще не сделал выбор. То утро и... ах! та жизнь!

Когда мои глаза научились различать предметы, я стал смотреть на свет солнца, на поле с вытоптанной копытами травой и на бодрых людей, совершавших сладостные деяния своей жизни. Где... о, где теперь эта бодрость?

Похищенные рукописи

Три человека, растянувшись почти на полкилометра, бежали цепочкой по Запретному Лесу. Последний из них опережал на какие-нибудь сто метров несущихся сзади Д-волков. Было слышно, как звери шелкали зубами и тяжело выдыхали воздух — волки всегда так делают, когда видят впереди добычу.

Первая луна была почти над головой и в лесу было светло, и, хотя дело происходило в высоких широтах Арракиса, лес дышал накопленным за жаркий летний день теплом. Ночной ветер, дувший из Последней Пустыни Сарьира, был пропитан смолистым духом и сырыми испарениями мягкой лесной подстилки. Ветер с озера Кайнса, расположенного за Последней Пустыней, временами доносил до беглецов запах соли и рыбы.

По странной иронии судьбы последнего из бегущих звали Улот, что на фрименском языке означает «Любимый последний». Он был мал ростом и страдал излишней полнотой, из-за чего ему пришлось посидеть на диете во время подготовки к этому приключению. Но даже стремительный бег не смог избавить Улота от округлых черт лица. Большие карие глаза были широко раскрыты — в них была тоска, вызванная роковым избытком плоти.

Улоту было ясно, что далеко он не убежит. От быстрого бега он тяжело, со свистом дышал, совершенно выбившись из сил. Временами его шатало. Но он не звал на помощь товарищей, зная, что они ничем не смогут ему помочь. Все они принесли одну и ту же клятву, понимая, что нет у них иной защиты, кроме старинной доблести и фрименской верности. Эти вещи остались незыблемыми, хотя то, что когда-то было фрименом, давно превратилось в музейный экспонат. Старые клятвы действительно хранились в Музее фримена.

Но именно из-за фрименской верности Улот продолжал бежать молча, прекрасно сознавая свою обреченность. То была

великолепная демонстрация древних качеств, и очень жаль, что у всех бегущих были чисто книжные представления и знания устных преданий о тех доблестях, которым они сейчас подражали.

Д-волки уже наступали на пятки Улоту — гигантские серые фигуры, в холке высота их достигала человеческого роста. Звери рвались вперед, воя от предвкушения скорой добычи.

Улот споткнулся левой ногой о корень и едва устоял на ногах; это придало ему сил, и он снова кинулся вперед, оторвавшись от преследователей на целый волчий корпус. Кровь тяжело пульсировала в сжатых кулаках, Улот шумно дышал открытым ртом.

Д-волки и не думали менять темп бега. Словно серебряные тени, они почти бесшумно неслись сквозь зеленые запахи родного леса. Они знали, что победят... и уже имели такой опыт.

Улот снова споткнулся, но сумел сохранить равновесие, ухватившись за молодое деревце, и продолжил бег. Дыхание со свистом рвалось из его груди, ноги дрожали, отказываясь повиноваться. Сил на новый рывок уже не было.

Один из зверей, волчица, обогнала Улота слева. Резко повернув, она бросилась на человека. Огромные клыки вонзились в плечо, но Улот удержался на ногах. К ароматам леса добавился острый, едкий запах крови. Меньший по размерам самец схватил Улота за правое бедро, и на этот раз человек упал. Раздались дикий предсмертный крик, клананье волчьих зубов, и все стихло.

Продолжая поглощать добычу, волки снова взяли след. Обнюхав лесную подстилку и втянув ноздрями воздух, они учуяли свежие следы еще двух бегущих от них людей.

Следующим на их пути был Квутег, представитель старинной семьи Арракиса, чьи корни восходили еще к временам Дюны. Один из его предков был в ситче Табр мастером погребальной церемонии, но прошло уже три тысячи лет, и мало кто на планете верил, что все это когда-то происходило в действительности. Квутег легко бежал на своих длинных, стройных ногах, словно самой природой приспособленных для такого долгого бега. Длинные черные волосы развевались по плечам,

обрамляя лицо с тонким орлиным профилем. Как и на его товарищах, на Квутеге был облегающий плотный черный беговой костюм. Он подчеркивал контуры работавших мышц и ровное глубокое дыхание. Правда, бежал Квутег не в полную силу — сказались последствия травмы колена, полученной при спуске с оборонительного пояса Цитадели Бога-Императора в Сарьире.

Квутег слышал внезапно оборвавшийся крик Улота и приближающиеся вой и шелканье зубов Д-волков. Он изо всех сил старался не представлять себе, как еще одного друга убили эти твари — сторожевые псы Лето, но он не мог не представлять себе, как волки расправятся с ним самим. Он хотел было выругаться в адрес тирана, но передумал — надо было беречь дыхание. Оставалась еще призрачная надежда, что они успеют добежать до спасительной реки Айдахо. Квутег знал, что думают о нем его друзья, даже Сиона. Его всегда считали консерватором. Даже когда Квутег был ребенком, никакая сила в мире не могла бы заставить его попусту тратить энергию, он всегда берег ее, расходуя малыми порциями.

Несмотря на боль в поврежденном колене, Квутег ускорил бег. Он знал, что река уже близка. Рана стала нестерпимо болеть, сжигая огнем всю ногу и бок. Квутег понимал, что терпение его на исходе. Знал он, и что Сиона уже возле воды. Она была самым быстрым бегуном среди них, и у нее находился запечатанный пакет, который они похитили в крепости Сарьира. Квутег постарался думать только о пакете.

Спаси его, Сиона! Воспользуйся им, чтобы уничтожить тирана!

Совсем близко, сзади, раздался алчный вой волков, нарушив ход мыслей Квутега. Они уже слишком близко. Он понимал, что ему тоже не уйти.

Но Сиона должна спастись!

Он оглянулся через плечо и увидел, что один из волков кинулся ему наперерез. План их атаки был ясен. Одновременно с волком рванулся вперед и Квутег. Спрятавшись от стаи за деревом, он бросился под ноги атакующему волку, схватил его за заднюю лапу и, подняв в воздух, начал вращать им, как дубиной, распуская остальных. Волк оказался не та-

ким тяжелым, как он ожидал, и неожиданная перемена обстановки принесла Квутегу облегчение. Он вращал волка, как древний дервиш пращу, поразив в головы двух волков. Но Квутег не мог одновременно следить за всеми волками, и один из них — тощий самец, — улучив момент, кинулся на человека. Зверю удалось отбросить человека к дереву, и Квутег выронил свою живую дубину.

— Беги! — крикнул он изо всех сил.

Стая бросилась на свою жертву, и тогда Квутег впился зубами в горло тощего самца. Волчья кровь залила ему глаза и ослепила. Квутег покатился по земле, потеряв всякое представление о том, где находятся остальные волки. Он вытер глаза и схватил другого волка. Часть стаи с воем разбежалась, часть с рычанием вонзила клыки в раненого самца. Но большинство зверей бросилось на человека. Волчьи зубы с двух сторон впились в горло Квутега.

Сиона тоже слышала крик Улота, потом крик резко оборвался, и волки возобновили погоню. Ее наполнил такой гнев, что она была готова взорваться. Улота включили в их экспедицию только за его аналитические способности — этот человек по нескольким фрагментам любого явления мог составить четкое представление о целом. Именно Улот, когда они были в Цитадели, достал из фримпакета умножитель, исследовал два странных тома, которые они нашли, и объявил, что это, несомненно, шифр.

Вот тогда Ради... бедный Ради, первый из них, кому пришлось умереть, сказал:

— Мы не можем позволить себе брать лишний вес. Выбросите их.

Улот начал возражать:

— Ненужные вещи так не запечатывают.

Квутег поддержал Ради:

— Мы пришли в Цитадель за ее планом, и теперь он у нас есть. Эти книги слишком тяжелы.

Но Сиона согласилась с Улотом.

— Я понесу их.

Это и положило конец спору.

Бедный Улот.

Они все знали, что он самый плохой бегун в их команде. Улот был медлителен во многих вещах, но его блестящий ум не стал бы оспаривать никто.

Ему можно доверять.

Улоту можно было доверять.

Сиона уладила гнев и использовала энергию для ускорения бега. Мимо в лунном свете мелькали деревья, в ушах свистел ветер. Девушка вошла в то состояние, которое иногда охватывает бегуна, когда для него перестает существовать все на свете, кроме его собственных движений. Тело само делало то, что надо было делать.

Мужчины восхищались красотой ее бега, и Сиона знала это. Ее длинные темные волосы были стянуты на затылке в тугой узел, чтобы не развевались на ветру и не тормозили бег. Она даже упрекнула Квутега в глупости за то, что он отказался копировать ее стиль.

Где Квутег?

Ее волосы были не похожи на его волосы. Они были темно-каштановые, и их можно было принять за черные, но они имели совершенно иной оттенок.

Как это иногда бывает с генами, они, совершив долгий путь, воссоздали на лице Сионы черты ее давно умершего предка: мягкий овал лица, полные губы, живые глаза и маленький нос. Ее тело было тонким и стройным от постоянных упражнений в беге, но от всей фигуры веяло сексуальностью, которая всегда привлекала к ней мужчин.

Где Квутег?

Волчья стая молчала, и это очень тревожило девушку. Так было, когда звери свалили Ради, а потом Сетузу.

Она твердила себе, что эта тишина может говорить о чем угодно. Квутег был тоже молчалив... и очень силен. Казалось, что травма несколько его не беспокоит.

Сиона почувствовала боль в груди, сейчас должно прийти второе дыхание — она знала это по опыту многокилометровых тренировок. Пот пропитал тонкую ткань спортивного костюма. Мешок, запечатанный в водонепроницаемую оболочку, был укреплен высоко на спине — предстоял переход через

реку. Сиона подумала о карте Цитадели, которая находилась у нее за спиной.

Где Лето прячет свои запасы специй?

Наверняка это место находится где-то внутри Цитадели. Обязательно именно там. Где-то в картах должен быть ключ к нахождению этого места. Этот меланж — очень лакомый кусок для Бинэ Гессерит, Космической Гильдии и для всех прочих... Цена такой находки стоила любого риска.

И два этих таинственных тома. Квутег был прав в одном — эта ридулианская бумага на кристаллах очень тяжела. Но Сионе было понятно и волнение Улота. В этих зашифрованных строчках скрывается что-то очень важное.

В лесу позади нее раздался мягкий шум погони — это бежали волки.

Беги, Квутег, беги!

Впереди между деревьями показалась беслесная полоса — берег реки Айдахо. Было видно, как в воде отражается яркая луна.

Беги, Квутег!

Как ей хотелось услышать сейчас голос Квутега, хоть какой-нибудь звук. Из одиннадцати человек, которые начали этот путь, остались только они двое. Девять других заплатили своими жизнями за это приключение: *Ради, Алина, Улот, Ининег, Онемао, Хутье, Мемар* и *Оала*.

Сиона мысленно перечислила их имена, вознося за каждого молчаливую молитву старым богам, а не тирану Лето. Особенно молилась она Шай-Хулуду.

Молю Шай-Хулуда, живущего в песках.

Лес внезапно закончился, и перед Сионой открылся берег реки, покрытый скошенной травой. Вода за узкой полоской гальки неудержимо манила к себе. На фоне тяжелой маслянистой массы воды берег в лунном свете казался серебряным.

Она едва не упала, услышав позади, в лесу, громкий, пронзительный крик. Голос Квутега одиноко прозвучал, заглушив на мгновение дикий вой волчьей стаи. Ошибки быть не могло, он не назвал ее имени, но прозвучавшее слово так много значило для нее — это было слово, говорившее о жизни и смерти: